

БОЛЬШОЙ
РОМАН

КНИГИ
ИСАБЕЛЬ АЛЬЕНДЕ
В СЕРИИ
«БОЛЬШОЙ РОМАН»

ЯПОНСКИЙ ЛЮБОВНИК
ПО ТУ СТОРОНУ ЗИМЫ

ИСАБЕЛЬ
АЛЬЕНДЕ

ПО ТУ
СТОРОНУ
ЗИМЫ

РОМАН

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

УДК 821.134.2(8)
ББК 84(7Чил)-44
А 56

Isabel Allende
MÁS ALLÁ DEL INVIERNO
Copyright © Isabel Allende, 2017
All rights reserved

Перевод с испанского Аллы Борисовой

Оформление обложки Ильи Кучмы

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

ISBN 978-5-389-17127-5

© А. К. Борисова, перевод, 2020
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2020
Издательство Иностранка®

Роджеру Кукрасу за нежданную любовь

Посреди зимы я наконец понял, что
во мне живет неистребимое лето.

*Альбер Камю.
Возвращение в Типазу (1952)*

ЛУСИЯ

Бруклин

В конце декабря 2015 года зима все еще заставляла себя ждать. Наступило Рождество с его назойливым колокольным перезвоном, а люди продолжали ходить в футболках и босоножках; некоторым нравился этот сбой во временах года, другие боялись глобального потепления, а между тем в окнах торчали искусственные елки, припорошенные серебристым инеем, сбивавшие с толку белок и птиц. Через три недели после Нового года, когда все уже потеряли надежду на соответствие календарю, природа вдруг очнулась, стряхнула с себя осеннюю спячку, и разразилась такая жуткая метель, какой никто не помнил.

В Бруклине, на проспекте Хайтс, в подвальном помещении дома из коричневого кирпича, в небольшой камерке с горкой снега на пороге Лусия Марас проклинала холод. Она отличалась стоическим характером, свойственным людям ее страны: она привыкла к землетрясениям, наводнениям, неожиданным цунами и политическим катаклизмам; если какое-то время ничего не происходило, ей даже становилось как-то не

по себе. Однако к сибирской зиме, по ошибке случившейся в Бруклине, она была не готова. В Чили непогода бушует в Андах и на крайнем юге, на Огненной Земле, где континент распадается на острова, израненные и изрезанные ветрами с Южного полюса, где холод проникает до костей, а жизнь невыносимо тяжела. Лусия была из Сантьяго, который незаслуженно славится своим якобы благословенным климатом, на самом же деле зима там холодная и сырая, а лето засушливое и жаркое. Город окружают фиолетовые горы, вершины которых порой на рассвете покрыты снегом, и тогда самый ясный в мире свет отражается от этой слепящей белизны. Очень редко бывает, когда мелко сыплется грустный, блеклый, словно пепел, порошок, но ему не удается покрыть белизной городской пейзаж, — он тает, едва достигнув земли, и тут же превращается в уличную грязь. Снег в этом городе всегда виден только издали.

В бруклинской каморке, расположенной на метр ниже уровня улицы и плохо отапливаемой, снег был настоящим кошмаром. Заиндедевевшие стекла маленьких окошек с трудом пропускали свет, и внутри царил сумрак, который слегка рассеивали лампочки без абажуров, свисавшие с потолка. В этом жилище была только самая необходимая мебель, да и то подержанная, много раз переходившая из рук в руки, и еще кое-какая кухонная утварь. Хозяину, Ричарду Боумастеру, было наплевать и на убранство, и на удобство.

По ту сторону зимы

Метель началась в пятницу: пошел густой снег, и сильные порывы ветра хлестали по улицам, почти совсем безлюдным. Деревья сгибались пополам, а те птицы, что были обмануты непривычным теплом предыдущего месяца и забыли улететь или спрятаться, погибали, не выдержав натиска непогоды. Когда пришло время восстанавливать город от причиненного ущерба, машины по уборке мусора мешками грузили обледенелых воробьев. А вот на Бруклинском кладбище загадочные попугаи, наоборот, успешно пережили метель, в чем можно было убедиться через три дня: они как ни в чем не бывало что-то клевали среди могил. Начиная с четверга телеведущие с мрачным выражением лица и с энтузиазмом, который обычно приберегался для сообщений о терактах в отсталых далеких странах, провозглашали неутешительный прогноз погоды на завтра и ужасные метели в последующие выходные. В Нью-Йорке было объявлено чрезвычайное положение, и декан факультета, где работала Лусия, вняв предупреждению, отменил занятия. Так или иначе, но ей все равно было бы трудно добраться до Манхэттена.

Используя неожиданный выходной, она приготовила большую кастрюлю чилийского живительного супа, не только исцеляющего телесные недуги, но и способствующего бодрости духа. Лусия прожила в Соединенных Штатах больше четырех месяцев, питаясь в университетском кафетерии и не утруждая себя стряпней, за ис-

ключением пары случаев, когда ее обуревала ностальгия по родной еде или когда она приглашала в гости подруг. На этот раз она приготовила наваристый бульон с множеством приправ, обжарила лук и мясо, отдельно потушила картофель с тыквой и зеленью и, наконец, добавила рис. Она использовала все кастрюльки, которые у нее были, и ее простенькая подвальная кухня стала выглядеть как после бомбежки, но результат стоил того, даже одиночество, охватившее ее с началом непогоды, отступило. Это чувство то и дело приходило к ней ни с того ни с сего, словно незваный гость, и она прятала его в самый отдаленный уголок сознания.

Этим вечером, когда снаружи под вой ветра вертелись снежные вихри, круто завываясь между прутьями оконных решеток, Лусию вдруг охватил детский страх. Вообще-то, в своей пещере она чувствовала себя в безопасности; ее примитивный страх перед стихией был нелеп, не стоило из-за него беспокоить Ричарда, единственного человека, к которому она могла обратиться в подобных обстоятельствах, поскольку он жил над нею, на верхнем этаже. В девять вечера она почувствовала неодолимое желание услышать человеческий голос и позвонила ему.

— Что поделываешь? — спросила она, стараясь не обнаружить своей тревоги.

— На пианино играю. Тебе мешает шум?

— Я не слышу пианино, единственное, что я слышу здесь, внизу, — это грохот конца света. Это, вообще, нормально, у вас в Бруклине?

По ту сторону зимы

— Зимой иногда бывает плохая погода, Лусия.

— Мне страшно.

— Чего ты боишься?

— Просто боюсь, ничего конкретного. Я понимаю, очень глупо просить тебя спуститься и посидеть со мной немного. Я суп сварила, чилийский, целую кастрюлю.

— Вегетарианский?

— Нет. Ладно, Ричард, не важно. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Она проглотила несколько ложек супа, легла на кровать и накрыла голову подушкой. Спала она плохо, просыпаясь каждые полчаса; ей снился один и тот же сон, будто она тонет в какой-то густой и кислой субстанции, похожей на йогурт.

В субботу буря переместила всю свою ярость в направлении Атлантики, однако в Бруклине было по-прежнему холодно и шел снег, так что Лусия решила не выходить из дома, поскольку большинство улиц было завалено сугробами, несмотря на то что расчистку города начали еще на рассвете. Получилось, что у нее есть время почитать и подготовиться к занятиям следующей недели. Она посмотрела репортаж о разрушениях, причиненных ураганом там, где он прошел. Покой, хорошая книга и отдых радовали ее. Через некоторое время она поняла, что кто-то отгребает снег от ее двери. Ничего странного, соседские дети частенько предлагали свои услуги,

чтобы заработать несколько долларов. Она возблагодарила судьбу. И подумала, что, может, не так уж и плохо жить в не слишком комфортабельной дыре в районе проспекта Хайтс.

Вечером, немного устав от заточения, она поела супу вместе с чихуа-хуа по кличке Марсело, потом они оба забрались в спальный мешок, улеглись на продавленный матрас, укрывшись кучей одеял, и стали смотреть очередные серии какого-то детектива. В помещении было так холодно, что Лусии пришлось надеть шапку и перчатки.

В первые недели она тяжело переживала свое решение покинуть Чили, где хотя бы юмор был родным, и утешала себя тем, что со временем все изменится. Любое несчастье, случившееся в такой-то день, назавтра будет уже в прошлом. И правда, сомнения длились недолго: она погрузилась в работу, приобрела Марсело, завела друзей в университете и среди соседей, и, надо сказать, люди здесь были необыкновенно доброжелательны. Стоило три раза зайти в одно и то же кафе, как тебя начинали считать кем-то вроде члена семьи. Представление чилийцев о том, что янки неприветливы, оказалось мифом. Единственный, кто не был приветлив, — это Ричард Боумастер, ее домовладелец. Ну да ладно, черт с ним.

Ричард заплатил сущую ерунду за большой дом из коричневого кирпича, какие сотнями встречаются в этом районе. Дом продал лучший друг, аргентинец, который неожиданно получил наследство и уехал на родину. Через несколько

По ту сторону зимы

лет тот же самый дом, только слегка обветшавший, стоил уже больше трех миллионов долларов. Ричард приобрел его незадолго до того, как молодые профессионалы из Манхэттена в массовом порядке принялись скупать потрепанные, однако живописные жилища и перестраивать их, — тут-то цены и подскочили до небес. Раньше этот квартал был криминальным, там орудовали бандитские шайки и продавались наркотики; люди не осмеливались выходить из дома по вечерам, но в те времена, когда Ричард туда переехал, это место было одним из самых завидных в стране, несмотря на мусорные баки, чахлые деревья и захламленные дворы. Лусия как-то в шутку посоветовала Ричарду продать этот реликт с раздолбанными лестницами и просевшими дверями и уехать на какой-нибудь остров в Карибском море, где можно встретить старость как подобает. Но Ричард был человек хмурого нрава, и его природный пессимизм только подпитывался неприветливостью и неудобствами этого дома, где было пять больших пустых комнат, три санузла, которыми никто не пользовался, запертый чердак и такие высокие потолки на втором этаже, что приходилось ставить огромную выдвижную лестницу, если надо было поменять лампочку.

Ричард Боумастер был начальником Лусии в Университете Нью-Йорка, где она работала в качестве приглашенного преподавателя, заключив контракт на полгода. По окончании семестра жизнь представлялась Лусии чистым листом; необходимо будет найти другую работу и другое

жилье, если она собирается остаться тут надолго. Рано или поздно она вернется в Чили окончить свои дни, но до этого еще далеко, а с тех пор как ее дочь Даниэла поселилась в Майами, где посвятила себя изучению биологии морских глубин, а возможно, влюбилась и планирует там остаться, больше ничто не звало Лусию в родную страну. Она решила с толком прожить годы, пока здоровье это позволяет и окончательное одряхление еще не наступило. Ей хотелось пожить в другой стране, где вызовы повседневности постоянно занимают ум, не слишком терзая душу, тогда как в Чили она жила бы под гнетом привычного существования, среди рутины и внутри устоявшихся границ. Там она чувствовала бы себя старухой во власти недобрых, бесполезных воспоминаний, тогда как за границей всегда могут возникнуть какие-нибудь неожиданные возможности.

Сначала она приняла предложение поработать в Центре изучения Латинской Америки и Карибского бассейна, чтобы на время отдалиться от привычной жизни и быть поближе к Даниэле. И еще одна причина, почему она приняла это предложение, — ее интересовал Ричард. Она пережила любовное разочарование и думала, что Ричард мог бы помочь ей излечиться, окончательно забыть Хулиана, свою последнюю любовь, единственного мужчину, оставившего след в ее душе после развода в 2010 году. В последующие годы Лусия убедилась, как мало возможностей найти возлюбленного у женщины ее возраста.

По ту сторону зимы

Было несколько приключений, которые не заслуживали даже упоминания, пока не появился Ричард; они познакомились лет десять назад, когда она еще была замужем, и с тех пор он привлекал ее внимание, хотя она сама не понимала почему. По характеру он был полная противоположность ей, и, кроме разговоров об учебном процессе, у них было совсем мало общего. Иногда они встречались на конференциях, подолгу разговаривали о работе и регулярно общались по электронной почте, однако он не выказывал ни малейшего интереса к ней как к женщине. Однажды Лусия намекнула ему на возможность иных отношений, что было совершенно ей несвойственно, поскольку она не обладала смелостью кокетки. Задумчивый вид и некоторая робость были самыми заметными чертами Ричарда до его переезда в Нью-Йорк. Он казался ей человеком глубоким и серьезным, с благородной душой, наградой для той, кому удастся устранить все препятствия, посеянные им на пути к возникновению близости.

В шестьдесят два года душа Лусии все еще была во власти девических мечтаний, и конца этому было не видно. У нее была морщинистая шея, сухая кожа и обвисшие предплечья, у нее болели колени, и она махнула рукой на то, что ее талия потеряла очертания, поскольку ей не хватало силы воли регулярно посещать спортивный зал, чтобы противостоять старению. Грудь выглядела девичьей, но это была не ее грудь. Она старалась не смотреть на себя обнаженную, чувствуя себя в одежде гораздо лучше, она знала,

какие цвета и фасоны ей идут, и неукоснительно их выбирала: она могла за двадцать минут купить полный комплект одежды, не отвлекаясь на что-то неподходящее даже из любопытства. Зеркало, как и фотографии, были ее безжалостными врагами, ибо показывали ее застывшей, выставляя на обозрение все ее недостатки. Она же считала, что ее обаяние, если таковое имеется, состоит в подвижности. Она обладала гибкостью и определенным изяществом незаслуженно, поскольку совершенно не следила за собой, любила сладости и была ленива, как одалиска, и, если бы в мире царила справедливость, она бы здорово растолстела. От своих предков, бедных хорватских крестьян, людей храбрых и наверняка голодных, она унаследовала здоровый обмен веществ. На фотографии в паспорте, снятой анфас, у нее было такое суровое лицо, что Даниэла говорила в шутку: ты, мама, похожа на надзирательницу из советской тюрьмы, но такой ее никто не видел: у нее было выразительное лицо, и она умела делать макияж.

В целом она была довольна своей внешностью и со смирением принимала неизбежное течение времени. Тело ее старело, но душа оставалась как у девочки-подростка, какой она на самом деле и была. Она не могла представить себя старухой. Ее желание жить полной жизнью становилось тем больше, чем меньше у нее оставалось будущего, а ее воодушевление оборачивалось пустыми иллюзиями, которые разбивались о реальную действительность, не сулившую никакой возможности обрести возлюбленного.

По ту сторону зимы

Ей не хватало секса, романов и любви. Первое иногда случалось, второе было вопросом везения, а третье — это дар небес, которого на ее долю не досталось, как она не раз повторяла своей дочери.

Лусия сожалела о том, что любовь с Хулианом закончилась, однако не раскаивалась. Ей хотелось стабильности, он же, напротив, в свои семьдесят лет продолжал перепархивать из одних отношений в другие, словно птичка колибри. Несмотря на советы дочери, ратовавшей за преимущества свободной любви, близость с мужчиной, которого надо было делить с другими женщинами, была для нее невозможна. «А что ты хочешь, мама? Замуж, что ли?» — подшучивала над ней Даниэла, узнав о разрыве с Хулианом. Нет, она просто хотела любить и быть любимой ради телесного наслаждения и душевного покоя. Ей хотелось заниматься любовью с тем, кто чувствует, как она. И чтобы не надо было ничего скрывать или притворяться, чтобы знать другого человека до самых глубин его души и чтобы он относился к ней так же, как она к нему. Она хотела, чтобы рядом был кто-то, с кем можно воскресным утром почитать газеты в постели или взять за руку, сидя в кино, с кем можно вместе смеяться шуткам или спорить о чем-то серьезном. Она оставила позади восторги кратковременных приключений.

Она привыкла к своему личному пространству, тишине и одиночеству; она пришла к выводу, что ей уже трудно было бы с кем-то делить

постель, ванну и платяной шкаф и что нет на свете мужчины, который смог бы удовлетворить все ее потребности. В молодости ей казалось, без любви к мужчине жизнь будет неполной, в ней будет не хватать чего-то главного. В зрелые годы она возблагодарила судьбу за то, что жизнь бьет через край, словно из рога изобилия. Она подумывала иногда, не зайти ли на сайт знакомств в интернете, из чистого любопытства. Но тут же отгоняла от себя эту мысль, ведь Даниэла из Майами мигом засечет ее. И, кроме того, она не представляла себе, как можно описать себя более или менее привлекательной, умудрившись не солгать. Она полагала, что именно так и поступают все остальные, а значит, все лгут.

Мужчины ее возраста искали женщин на двадцать-тридцать лет моложе. Это было понятно, ей ведь тоже не хотелось сходиться с большим стариком, хотелось кого-то покрепче. Даниэла считала, что традиционная ориентация ограничивает возможности, есть сколько угодно великолепных одиноких женщин, с богатой внутренней жизнью, в прекрасной физической и эмоциональной форме и куда более интересных, чем большинство мужчин, вдовцов или разведенных, лет шестидесяти-семидесяти и при этом незанятых. Лусия признавала свою в этом плане ограниченность, но считала, что меняться уже поздно. После развода у нее были короткие встречи то с приятелем после пары коктейлей где-нибудь на дискотеке, то с каким-нибудь незнакомцем в поездке или на празднике — ничего такого, о чем можно было бы рассказать, однако

По ту сторону зимы

эти мужчины помогали ей преодолеть стыдливость, когда приходилось раздеваться в их присутствии. Шрамы после операции были видны, и ее юная грудь, словно у девственной невесты из Намибии, как-то не сочеталась с остальным телом; это выглядело как некий анатомический казус.

Желание соблазнить Ричарда, охватившее ее, когда она получила от него предложение поработать в университете, исчезло через неделю после того, как она поселилась в подвале. Вместо того чтобы сблизить их, эта относительно совместная жизнь, когда они постоянно встречались на работе, на улице, в метро и на пороге дома, только отдалила их друг от друга.

Исчез дух товарищества, объединявший их на международных конференциях, и электронное общение, прежде такое теплое, остыло, потому что они слишком часто видели друг друга. Нет, определенно никакого романа с Ричардом Боумастером не получалось; жаль, потому что он был человек спокойный и надежный и ей с ним не пришлось бы скучать. Лусия была всего лишь на год и восемь месяцев старше него, разница пустяковая, как она говорила себе, представляя возможное развитие событий, однако понимая в глубине души, что в сравнении она сильно проигрывает. Она себя чувствовала отяжелевшей, и рост ее уменьшался, во-первых, из-за компрессионного сжатия позвоночника, а во-вторых, потому, что она уже не могла ходить на слишком высоких каблуках, не рискуя упасть; люди вокруг нее оказывались все более и более рослыми.

Ее студенты раз от раза становились все выше, стройнее и невозмутимее и все более походили на стадо жирафов. Ей ужасно надоело смотреть на людей снизу и видеть волоски в носу у прочих представителей человечества. Ричард же, напротив, с годами не растерял своего неброского обаяния: типичный профессор, с головой погруженный в свою беспокойную работу.

Согласно тому, как Лусия описывала его Даниэле, Ричард Боумастер был среднего роста, с вполне приличной шевелюрой и здоровыми зубами, глаза у него то серые, то зеленые, в зависимости от того, как бликуют стекла очков и как ведет себя язва желудка. Ричард редко улыбался без существенной причины, однако постоянные ямочки на щеках и растрепанные волосы придавали ему юношеский вид, несмотря на то что он ходил, глядя себе под ноги, всегда нагруженный книгами и согнутый под бременем забот и тревог; Лусия не могла понять, в чем они состоят: здоровье у него с виду нормальное, академическая карьера на высоте, а когда он выйдет на пенсию, у него будет достаточно средств на безбедную старость. Единственным финансовым бременем был его отец, Джозеф Боумастер, находившийся в доме престарелых в пятнадцати минутах ходьбы от дома Ричарда; тот ежедневно ему звонил и навещал пару раз в неделю. Старик было девяносто шесть лет, и он не вставал с инвалидного кресла, однако, как никто, обладал ясным умом и горячим сердцем; и то и другое он вкладывал в письма, полные наставлений, адресованные Бараку Обаме.

По ту сторону зимы

Лусия подозревала, что под замкнутым видом скрывается щедрая душа человека, всегда готового помочь, не устраивая шума, идет ли речь о том, чтобы работать в благотворительной столовой или заботиться о кладбищенских попугаях. Этим качествам своего характера Ричард наверняка обязан примеру своего нестигаемого отца; Джозеф не мог допустить, чтобы его сын прожил жизнь, не имея настоящего дела. Поначалу Лусия, думая о Ричарде, искала лазейки, с помощью которых можно было бы укрепить их дружбу, но, так как ее совсем не тянуло в благотворительную столовую и не интересовали никакие попугаи, их объединяло лишь место работы, и она не видела ни малейшей возможности проникнуть в жизнь этого человека. Равнодушие Ричарда не обижало ее, поскольку он точно так же не обращал внимания ни на других коллег женского пола, ни на толпы девушек в университете. Его жизнь отшельника хранила в себе загадки, одной из которых было то, что он умудрился прожить шесть десятков лет без видимых испытаний и вызовов судьбы, защищенный панцирем, словно броненосец.

Она же, напротив, гордилась драмами своего прошлого и в будущем тоже надеялась вести интересную жизнь. Она изначально не верила в счастье, она рассматривала его как китч, ей достаточно было чувствовать себя более или менее довольной. Ричард долго жил в Бразилии и был женат на молодой женщине, очень чувственной, судя по фотографии, которую видела Лусия, однако никакие роскошества ни этой

Исабель Альенде

страны, ни этой женщины на нем не отразились. Несмотря на свои странности, Ричард казался Лусии вполне подходящим для романа. В описании, которое она отправила дочери, Лусия назвала его симпатягой, «сладким мальчиком» — так в Чили называют тех, в кого влюбляешься невольно и без особой причины. «Это странный человек, Даниэла, ты подумай, он живет один, и у него четыре кота. Он этого еще не знает, но я, когда уеду, отдам ему Марсело», — добавила она. Она это хорошо обдумала. Такое решение разрывало ей сердце, но она не могла таскать за собой по свету старенького чихуа-хуа.

РИЧАРД

Бруклин

Приезжая вечерами домой на велосипеде, если позволяла погода, а если нет, то на метро, Ричард Боумастер в первую очередь занимался четырьмя котами, не слишком ласковыми, которых он взял в Обществе защиты животных, чтобы покончить с мышами. Совершая этот поступок, он думал только о действенном средстве, без всяких сентиментальных эмоций, но коты неизбежно стали составлять ему компанию. Они были стерилизованы, привиты, и у всех был специальный чип под кожей, на случай если потеряются, у каждого была кличка, однако Ричард называл их для простоты порядковыми числами, причем по-португальски: Ун, Дойш, Треш и Куатру¹. Ричард кормил их, менял песок, потом слушал новости, пока готовил себе ужин на огромном многофункциональном кухонном столе. После ужина он немного играл на рояле, иногда для удовольствия, иногда для самодисциплины.

Теоретически в доме было место для каждой вещи, и каждая вещь была на своем месте, од-

¹ Один, два, три и четыре (*порт.*).

нако на практике бумаги, журналы и книги множились, словно насекомые из ночных кошмаров. Утром их было больше, чем накануне вечером, и порой появлялись брошюры или отдельные листы, которых Ричард никогда не видел, так что он мог только догадываться, как они попали к нему в дом. Поужинав, он читал, готовился к занятиям, проверял студенческие работы и писал очерки на политические темы. То, что он выбрал академическую карьеру, отвечало скорее его склонности к исследованиям и желанию печататься, нежели призванию преподавать; поэтому, когда его студенты демонстрировали глубокое погружение в свое дело даже после окончания университета, ему это казалось необъяснимым. Компьютер стоял у него в кухне, а принтер на третьем этаже, в нежилой комнате, где единственным предметом мебели был столик для этого прибора. К счастью, он жил один и был избавлен от необходимости объяснять странный разброс своих рабочих инструментов; мало кто понял бы его пристрастие ходить вверх-вниз по крутой лестнице в качестве упражнения. Кроме того, это хождение помогало ему не напечатать какую-нибудь глупость, ведь пока он шел по лестнице, он тщательно обдумывал свои слова, хотя бы из уважения к деревьям, принесенным в жертву ради изготовления бумаги.

Иногда, бессонными ночами, когда ему не удавалось поладить с пианино и клавиши наигрывали что хотели, он предавался тайному пороку: воспоминаниям и сочинению стихов. Для

По ту сторону зимы

этого много бумаги не требовалось: он писал от руки в школьных тетрадках в клеточку. У него было несколько таких, исписанных неоконченными стихотворениями, и пара красивых записных книжек в кожаной обложке, куда он переписывал свои лучшие творения, которые надеялся отшлифовать в будущем. Но это будущее все никак не наступало, а перспектива перечитать их вызвала у него желудочный спазм. Он выучил японский, чтобы наслаждаться хокку¹ в оригинале, он читал и понимал эти тексты, но говорить об этом с кем-либо считал претенциозным. Надо сказать, что Ричард был полиглотом и этим гордился. Он овладел португальским еще в детстве благодаря семье своей матери и усовершенствовал его благодаря Аните. Еще он немного знал французский, из романтических побуждений, а также испанский, в силу профессиональной необходимости. Его первой любовью — в девятнадцать лет — была французенка на восемь лет старше него, с которой он познакомился в одном из нью-йоркских баров и последовал за ней в Париж. Страсть быстро сошла на нет, однако ради приличия они жили в одной из мансард Латинского квартала; вполне достаточно, чтобы он обзавелся базовыми знаниями по вопросам как женского тела, так и французского языка, на котором говорил с чудовищным акцентом. Источниками знаний испанского были улица и книги; латиноамери-

¹ Хокку — традиционный жанр японской поэзии, стихотворение из трех строчек и семнадцати слогов, без рифмы.

канцев было полно в любой части Нью-Йорка, однако эта публика редко понимала английский, усвоенный по методу Берлица. Да и он понимал их только в пределах, так сказать, прожиточного минимума, чтобы, например, заказать еду в ресторане. Казалось, все владельцы забегаловок в стране — испаноговорящие.

Рано утром в субботу буря улеглась, оставив Бруклин наполовину утонувшим в снегу. Ричард проснулся, чувствуя неприятный осадок оттого, что накануне обидел Лусию, не придав значения ее страхам. Ему бы самому было приятно посидеть с ней, пока снаружи бушевали ветер и снег. Зачем он так сухо с ней обошелся? Он боялся попасть в ловушку и влюбиться и старательно избегал этого вот уже двадцать пять лет. Он не спрашивал себя, почему он бежит от любви, поскольку ответ казался ему очевидным: неотступно мучившее его раскаяние. Со временем он привык к монашескому образу жизни и к внутренней тишине, которая отличает тех, кто живет и спит в одиночестве. Едва повесив трубку после разговора с Лусией, он подумал, что надо бы спуститься в подвальный этаж, прихватив термос с чаем, и посидеть с ней. Его заинтриговало то, что женщина, пережившая столько жизненных драм и казавшаяся неуязвимой, подвержена детским страхам. Ему хотелось исследовать эту брешь в крепостных стенах, какими Лусия огородила себя, однако его сдерживало предчувствие опасности, как будто, уступив порыву, он вступит на зыбучие пески.

Альенде И.

А 56 По ту сторону зимы : роман / Исабель Альенде ; пер. с исп. А. Борисовой. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2020. — 416 с. — (Большой роман).

ISBN 978-5-389-17127-5

Исабель Альенде предваряет свою новую книгу знаменитой фразой Альбера Камю: «Посреди зимы я наконец понял, что во мне живет неистребимое лето». Это определяет эмоциональную географию сюжета, сотканную из отношений героев романа. Эти совершенно разные люди встретились в Нью-Йорке холодной зимой своей жизни: немолодая чилийка, девушка из Гватемалы, нелегально живущая в США, и пожилой профессор университета, американец. Все трое попадают в страшную метель, и судьба заставляет их понять, что по ту сторону зимы есть место для нежданной любви и непобедимого лета, которые жизнь открывает тебе, когда ты меньше всего этого ждешь.

«По ту сторону зимы» — одна из самых личных историй Исабель Альенде: произведение невероятно актуальное, охватывающее реальные проблемы современной Америки, показанные через судьбы людей, которых не оставляет надежда на любовь и на то, что можно начать жизнь сначала.

УДК 821.134.2(8)

ББК 84(7Чил)-44

Литературно-художественное издание

ИСАБЕЛЬ АЛЬЕНДЕ
ПО ТУ СТОРОНУ ЗИМЫ

Ответственный редактор Галина Соловьева
Редактор Анастасия Миролубова
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректоры Елена Терскова, Валентина Гончар

Подписано в печать 25.02.2020. Формат издания 84 × 90^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 18,2.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака «Издательство Иностранка»
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:
www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого
сотрудничества размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

Y-SMN-25626-01-R